

АЛЕКСАНДР ВИТКОВСКИЙ

ОТДАМ РЕБЁНКА В ХОРОШИЕ РУКИ

ПОВЕСТЬ

Анастасия Александровна Пеликанова остановилась и застыла у школьного гардероба, ошарашенно глядя в угол, где на пол в большую кучу были свалены рюкзаки, портфели, пакеты со сменкой. Из этой груды ученического барахла выглядывала... голая попа в стрингах, низ которых утонул в розовых ягодицах. Она не сразу поняла, что это такой рюкзак в виде попы в стрингах, и несколько мгновений пребывала в шоке. Звонок встряхнул её и вывел из состояния лёгкой прострации, а секундой позже в школу ворвался смерч криков, толкотни и хаоса. Закончилась физкультура, и её 10 "Б", разгорячённый играми на школьной спортплощадке, расхватывал из гардероба своё добро, чтобы поскорее рвануть домой: закончился последний урок долгожданной пятницы.

— Настась Лесанна, до свиданья...

ВИТКОВСКИЙ Александр Дмитриевич окончил факультет журналистики МГУ, кандидат психологических наук, член Международного союза журналистов. Трудовую деятельность начал учителем в сельской школе, преподавал в ведущих вузах Москвы. Работал заведомом информации "Парламентской газеты". Статьи публиковались во многих центральных СМИ России и в специализированных зарубежных журналах. Книги автора выпускались в московских издательствах "Раритет", "Алгоритм", "Вече". По сценариям писателя сняты два документальных фильма, один из которых стал призёром международного конкурса в Дюссельдорфе. Сейчас подготовлена заявка на съёмки фильма по недавно опубликованному роману "За пять минут до ядерной полуночи".

Она едва успевала прощально кивать головой, приветливо улыбаться и бормотать что-то в ответ на исковерканное второпях запыхавшимися ртами её имя и отчество.

— Анька, а у тебя чё, теперь две задницы? — гогоча, крикнул вдогонку убегающей однокласснице рыжий Матвей. — Дай одну поносить!

— Заткнись, дурак! Щас дам, так до вечера пропоносишься! — небрежно бросила через плечо девчонка с короткой, крашенной в зелёно-жёлто-синий декор стрижкой, поправляя на ходу уже закинутую на спину сумку — ту самую, ягодично-розовую, со стрингами...

— Скажи, где такую прелесть поймать можно, — не унимался Матвей.

— На ОБЖ* иди, Тюха, там всем дают, — не осталась в долгу крашеная.

— А ей на один зад мало приключений, — громогласно поддержал прикол своего друга, но уже в расчёте на публику, Максим — долговязый парень в очках а ля Гарри Поттер. — Вот она и прикупила второй, чтоб ещё больше наскребсти.

Такой наезд требовал уже обстоятельного ответа. Девчонка остановилась, развернулась и, никого не стесняясь:

— Макс, для тебя ваще что задница, что кириллица — не поймёшь, пока палец не воткнёшь, — хлётко, звонко и тоже с ориентиром на гогочущее окружение парировала Анька очередной стёб. — Не “наскребсти”, а “наскрести”, чудила очкастый... — И под всеобщий одобрительный ржач опять побежала по школьному двору.

— Да не, она к футболному мундиально готовится. Зад со стрингами урвала, марафет навела, стрижку сварганила и даже покрасилась! — крикнул вслед однокласснице мелкорослый ботан Кирюшка-Нос-В-Конопушках, пытаясь переорать гогот, усиленный эхом квадрата школьного двора. — Я даже знаю, за какую африканскую команду она болеть будет...

— Берегись, конопатый, зашибу тебя лопатой, — не останавливаясь, — коротышка, пусть даже и отличник, не стоил её внимания, — а лишь слегка повернув голову, Анька тут же со смехом переиначила слова из популярного мультика ещё советских времён и скрылась за углом школы, а раскатистое “ха-ха-ха” ещё долго шарахалось по двору, отражаясь и дребезжа в стёклах распахнутых окон.

Едва ли не все мальчишки 10 “Б”, да и всей параллели хотели обратить на себя внимание этой острой на язык, креативной и выпендрёжной — вне всякого школьного формата — девчонки, однако делали это по-пацански неумело и неловко, иногда даже вызывающе грубовато и нарывались на такой “ответ Чемберлену”, что “ой, мама, я сейчас описаюсь!” Некоторым даже приходилось краснеть и на пару-тройку дней прикусывать язык, приходя в себя от услышанного. Но, странное дело, никто не обижался на её словесные примочки, да и с неё все, даже весьма двусмысленные и обидные наезды, от которых другие девочки ночь напролёт слезами мочили подушки, как с гуся вода. Лишь однажды, когда какой-то дурила из 11 “Г” позволил себе в присутствии одноклассников совсем уж непристойную гадость, она смолчала, только подошла вплотную к обидчику и... плюнула ему прямо в морду. От неожиданности тот просто офонарел, не зная, как быть и что делать: при всех ударить младшую по возрасту девчонку — не фонтан, ответить что-то или обматерить — язык не повернулся. Так и стоял столбом ошумелым с отвисшей челюстью и красными ушами вращошпырку. А она вытащила из кармана бумажную салфетку, вытерла свой плевок с его лица, сунула белый липкий комок ему за пазуху, повернулась и, не оглядываясь, в полной тишине пошла прочь. С тех пор Аньку зауважали ещё больше, хотя мальчишеские хохмы из желания обратить на себя её внимание продолжались.

Суетня и гвалт отвлекли классную, и она не заметила, как Анна Дымова — по школьной кличке Анька Дым, а после недавнего скандалёзного вояжа в парикмахерскую Анька Триколор — запорхнула в угол, выхватила из

---

* Урок ОБЖ — Основы безопасности жизнедеятельности. На школьном сленге эта аббревиатура расшифровывается как “очень большая жопа”.

кучи свой эпатажный рюкзачок и бегом на улицу. Крикнуть вслед, чтобы остановить её, — поздно; пытаться догнать — тем более: бегущая по коридору солидная классная дама — это ж смех для детей да ядовитые ухмылки охранников.

“Ладно, вечером позвоню матери, — подумала учительница, поднимаясь на свой этаж, где в кабинете русского языка и литературы её ожидали три пачки тетрадей. — Три пачки, три пачки-трепачки, — ни к селу, ни к городу вертелось в её голове. — Это часа на два с лишним, плюс в эльжур* все отметки выставить... В выходные кто-нибудь из родителей наверняка успехами своего чада поинтересуется...”

День уже распрощался с солнцем, почившим в туче-перине у горизонта, и готовился приветствовать вечернюю зарю, когда была проверена последняя тетрадка, и все оценки вбиты в комп; пришлось зажечь свет. “Слава Богу, главное сделано, — вздохнула она с облегчением. — Теперь осталось подготовить предложения по письму из департамента образования. Господи, сколько бумаг, сколько никчёмных бумаг! Детьми заниматься некогда, только на официальные письма отвечай и отчёты составляй. Российское образование уже давно не стоит мессы, разве что зауспокойной: “Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему, Наробразу, и сотвори ему вечную па-а-амя-я-ять...” Школа просто погибает в своей подневольности бюрократам из столичного министерства образования... Та-а-ак, посмотрим, что там?”

В электронной почте она открыла текст инструктивного письма.

Вот это да-а! Разработка принципиально новой системы московского образования... Круто! И что дальше? Создание Персонализированной Образовательной Траектории в Открытых Коллективах, то есть системы ПОТОК. Так-так... А что сие означает? Она читалась в текст: “Осознанный выбор учеником своего образовательного маршрута на основе личных предпочтений”... “Хм, куда же и по какой траектории унесёт этот ПОТОК?” Недоумённо приподнялась левая бровь, озадаченно опустилась правая, лоб скукожился в гармошку, зубы прихватили кончик языка. Ну, что ещё придумали наши эффективные менеджеры, теоретики наробраза-дикобраза? Ага... Вот, очередная колоратура — система РОСТ — Распределённое Оценивание в Системе Талантов. Хм, система в системе? М-да, с легкой, стилисткой и здравым смыслом у этих продвинутых управленцев явно собой, склизывается провал в образовании середины девяностых — начала двухтысячных... А в чём суть? Ого! “Многомерная оценка из разных источников результатов ученика, освобождение учителей от сложной задачи оценки результатов школьников...” Ишь ты, поди ж ты, приплыли! И что же будет делать учитель? Крутя колёсико мышки, она бормотала, вникая в текст: “На смену массовому учителю придёт индивидуальный тьютор: интегратор педагогического влияния, наставник при подготовке к жизни и работе в условиях новой технологической эпохи, помощник в воспитании...” Так-так... Навигатор развития талантов... Ну, что ж, вперёд, в XIV век! Каждому классу по тьютору! Да здравствует Высокое Средневековье в инновационно-цифровом российском образовании! Скоро и до Древней Греции дойдём, где педагогом называли раба, провозжавшего в школу детей аристократов... Вот как хорошую идею можно довести до абсурда... Теперь понятно, почему университетский бакалавр не имеет права работать учителем.

Анастасия откинулась на спинку кресла. Кто бы знал, как не хочется на этот заумный бред время тратить... Хотя бы элементарные проблемы школы для начала решили, а уж потом космическими проектами заниматься... Но что делать... Лучше сейчас отписаться, чтобы не оставлять эту дребедень на выходные... Ведь дома ещё контрольные сочинения проверять, а тут ещё и пометка “срочно!” стоит... Что же им такое наваять? Начать с Карамзина, что ли...? Как там у него? “...Доживём ли до времён лучшего образования в системе гражданского общества? Разрушение наскучило...” Нет, такое ни завуч, ни директор не пропустят. Косить под дурака и накропать холопское

---

* Эльжур — электронный журнал.

“одобряем-с” тоже не хочется... Ладно, что-нибудь придумаем. Есть пара дельных мыслей о системе тьюторов в школах и детсадах с инклюзией или с альтернативными образовательными программами. Начать с малого, а там видно будет. И она, тяжело вздохнув, с головой ушла в работу.

Закончив опус, она ещё даже не успела сладко потянуться, с хрустом разминая затёкшие плечи, шею, руки и спину, как заверещал мобильник. “Опять муж звонит, потерял, наверное”, — подумала она, мельком взглянув на уже сумеречное окно. Из уличных глубин, с чёрного асфальта крадучись карабкалась на небо тьма.

— Алло, Анастасия Александровна? — прозвучал в трубке жёсткий женский голос.

— Да, добрый вечер.

— Это звонит мама Ани Дымовой.

— Здравствуйте, Зинаида Петровна. Хорошо, что вы позвонили. Я сама хотела побеспокоить вас.

— Прекрасно... Я по поводу оценок моей дочери. Почему Аня скатилась по вашим предметам на тройки? Я вот смотрю сейчас по компьютеру, даже двойка появилась?

Недовольство в родительском голосе и агрессивная тональность обещали не самый приятный диалог; в подтексте — обида, плохо скрываемая претензия и даже обвинение учителя в плохих оценках своего ребёнка.

— Она всегда хорошо училась по всем предметам, — наседали голос в трубке, становясь всё громче, резче и всё более вызывающим. И, наконец, заключительный аккорд: — Нам что, школу менять!?

Воцарилась многозначительная пауза, не предвещавшая ничего хорошего. За многие годы работы в школе Анастасия знала, что в подобных ситуациях не стоит ни возражать родителям, ни уходить в глухую оборону и оправдания, ни тем более наезжать на собеседника, пытаясь перекрыть его. Веские доводы и твёрдый тон срабатывали в советской школе, когда авторитет учителя и образования был на недосягаемой высоте. Сейчас школу с её “образовательными услугами” никто в грош не ставит, поэтому нужно просто дать родителю выговориться. Но в мобильнике лишь сбивчивое дыхание карябало тишину.

— Зинаида Петровна, меня тоже беспокоят не самые лучшие оценки Ани. И не только по моим предметам. Математика, физика, химия... даже история, по которой у неё всегда были одни пятёрки, — дабы ещё больше не обострять ситуацию, она старалась говорить ровно, корректно, не повышая голоса. — И я была очень удивлена, когда на прошлой неделе вы с ней на четыре дня уехали отдохнуть в какой-то подмосковный пансионат. Учеб...

— Пансионат!? — перебила собеседница. Изумлённое недоумение заставило её почти взвизгнуть. — Какой, к чёрту, пансионат!? Мы куда не ездили!!!

— Ну как же? В позапрошлый понедельник Аня передала мне вашу записку с просьбой отпустить её с вами на отдых в пансионат со вторника и до воскресенья. И все эти дни её не было в школе. Всю эту неделю она отсутствовала...

— Да как не было! Она каждый день утром собиралась и уходила в школу...

— Её не было в школе... А сейчас она дома?

— Да. Вот недавно пришла и сидит в своей комнате, даже ужинать не стала...

— Так, может быть, вам поговорить с ней?

— Да не хочет она со мной говорить, совсем не хочет... абсолютно!

В трубке послышались всхлипы, сбивчивое дыхание, шмыганье носом.

— Я не знаю, не знаю, что мне с ней делать!

— Зинаида Петровна, давайте-ка прямо сейчас приходите ко мне.

Анастасия ещё и сама не знала, зачем пригласила к себе эту малознакомую женщину. Аня, как и многие другие ученики после окончания восьмилетки, всего лишь год назад перешла в её класс из другой школы, и, поскольку училась девочка очень даже неплохо, не было особых причин (ну, может

быть, за исключением эпатажной внешности и языка без костей) беспокоить её родителей, которые тоже не баловали школу своим вниманием — так, пара-тройка дежурных звонков по каким-то малозначимым поводам, а родительские собрания вообще будто не для них проводились.

— Мне... не хочется идти к вам домой, — запинаясь голос в телефоне. — Да я и не знаю, где вы живёте...

— Я ещё в школе.

— Как в школе? — удивлённым эхом отозвался голос. — Так ведь пятница... И уже скоро девять!

— Ну, что же делать... Если бы я не боялась изменить ваши планы на вечер, то была бы рада встретиться с вами.

Вновь тишина в мобильнике.

— Вы ведь недалеко от школы живёте, — ровно, без нажима продолжала Анастасия Александровна. — Посидим, поговорим о наших проблемах...

И опять пауза, хоть и недолгая.

— М-м, а как же секьюрити?

— Ничего страшного. Я сейчас спущусь вниз и договорюсь с охраной, чтобы вас пропустили. Вы только паспорт на всякий случай захватите...

— Да-да, он всегда при мне.

Охранник, уже сменивший форменную рубашку на поношенный тёплый свитер с “фонариками” на локтях и в удобно разношенных по ноге домашних тапочках вместо тяжёлых ботинок, недовольным взглядом встретил учительницу. Завидев её в конце коридора, он понял, что она ещё не собирается домой, и, судя по всему, станет докучать своими делами, а он как раз собирался поужинать.

— Нам строго нельзя никого впускать вечером без особого письменного разрешения руководства, — недовольно пробурчал он, соорудив тупую, официально-казённую мину в ответ на просьбу учительницы.

— Ну, Николай Иванович, миленький, ну, представьте себе, что с вашим внуком проблемы, а вас не пускают в школу, чтобы встретиться с учителем...

— Днём надо проблемы решать, а не по ночам шастать... Ладно уж, — сменил приторный гнев на великодушную милость охранник. Ему, давным-давно и кое-как окончившему сельскую восьмилетку, приятно было продемонстрировать свой бюрократический кураж и административное превосходство (как-никак, а охранник — это ночной директор) над этой учителькой с высшим университетским образованием. Но, промытарив долгую и несладкую жизнь и наломав бока, он уважительно вспоминал ту, ещё советскую школу, которую не то чтобы любил, но до сих пор побаивался и относился к ней с должным почтением, и даже в глубине души ещё сохранил некий трепет перед учительским авторитетом.

— Я вот накатаю на вас докладную директору, чтобы лишили вас премии, тогда будете знать, — продолжал он добродушно-ворчливо. — А вторую бумагу отправлю вашему мужу, чтоб выволочку устроил да приструнил по-хозяйски: неча за такую зряплату до ночи вкалывать; хозяйство надо блюсти, хату, семью, — и, пожевав губами, вполне дружелюбно добавил: — Ну, чего уж теперь... Как там мамашу-то эту звать-величать?

“Точно, дома опять будет разнос, — грустно вздохнула учительница, поднимаясь по гулким лестничным маршам и проходя пустынным, словно уснувшим коридором, уже давно успокоившимся от дневного детского шума и гвалта. — Надо позвонить Нолику, сказать, что снова задерживаюсь”.

Ещё со своих давно прошедших ученических лет она любила допоздна засиживаться в школе. Все уходят, становится тихо, торжественно, загадочно и таинственно. И в сумерках рождалось волшебство: скрип гусиных перьев о рыхлую бумагу, негромкий разноязыкий говор титанов мировой науки, музыка стихов, озарение гениальных догадок, шелест страниц полных сокровищ сочинений бессмертных авторов, величие и блеск феноменальных открытий... В годы её детства двери классов и кабинетов ещё не запирались на ночь, и в полумраке было так интересно путешествовать по школе, и совсем

не боязно и не одиноко: ведь можно пошептаться о чём-то сокровенном и важном с Наташей Ростовской; вместе с Михайлой Васильевичем Ломоносовым похихикать над царской наградой — двумя тысячами рублей, которые императрица Елизавета Петровна пожаловала ему за оду в свою честь одними медяками — деньгой да полушкой — аж 205 пудов на семи возах; закрыв глаза, увидеть вещий сон Дмитрия Ивановича Менделеева с его периодической системой химических элементов; попробовать уговорить Николая Васильевича Гоголя не сжигать второй том “Мёртвых душ”; а однажды сам Исаак Ньютон со своего портрета на стене в кабинете физики попросил её... закрыть оставленное кем-то открытое настежь окно — сквозняк, мол...

То была жизнь прошедшая, далёкая, будто первый школьный звонок: и есть что вспомнить, и погрузиться о чём, и порадоваться.

Арнольд моментально взял трубку, видимо, ждал звонка.

— Добрый вечер, муж мой, как дела? — начала она с полупуштливого и высокопарного обращения в тщетной надежде хоть как-то умилостивить заждавшегося её — она это знала наверняка — Нолика.

— Как обычно, в ожидании дражайшей половины, — с едва уловимой ноткой недовольства ответил муж. — Ужин готов, я уже поел.

— Извини, милый, я опять задерживаюсь. Тут...

— Да уж понял, что задерживаешься, — он даже не дослушал её робкую попытку оправдаться. — Ладно, задерживайся дальше. Я футбол по ящику смотрю. Пока. — И он выключил мобильник.

От досады впору было разреветься... Вот так, действительно, жизнь проходит мимо. И муж справедливо недоволен, в этом охранник трижды прав... Но что делать...

— Разрешите? — Дверь класса приоткрылась, и вошла сухопарая, стройная блондинка в узких брюках до щиколоток и короткой кожаной куртке с роскошным воротником из чернобурки — несколько карикатурный, как показалось Анастасии, коктейль из полусветской дамы и коммерсантки среднего пошиба, забитой собственным бизнесом.

— Это я, мама Ани Дымовой.

— Заходите, Зинаида Петровна, добрый вечер.

— Извините, — гостя вошла в класс, чувствуя себя явно смущённо и за столь поздний визит, и за несколько бестактный телефонный звонок.

— А... а где Аня сидит?

— У окна, третий стол... Зинаида Петровна, уже поздно, садитесь, пожалуйста, и давайте сразу о главном. Вот ваша записка.

Она вытащила из ящика стола сложенный четверо лист бумаги и протянула посетительнице, осторожно примостившейся на край стула за первой партой перед учительским столом. Та взяла его, развернула и, едва успев прочесть, недоумённо подняла глаза на преподавателя:

— Я не писала этой записки, это даже не мой почерк... Я вообще ничего похожего не писала...

— И подпись не ваша?

— Не моя, хотя и очень похожа... Это кто-то подделал... Неужели Аня? — обескураженно проговорила она. Во всём её облике растерянность и недоумение... Кажется, родительница давно не испытывала этих чувств и даже забыла, что их можно спрятать, а потому они откровенно проявились на её лице, в интонациях, движениях рук, которые не могли найти себе места.

— Нет, текст писала не Аня и даже не кто-то из одноклассников. В этом можете мне поверить. Почерк каждого из них я знаю, как свой собственный, и даже если бы они пытались его изменить, я всё равно определила бы автора.

— Но тогда кто?

— Пока это знает только Аня. Но давайте оставим хвосты, это вторичное. Главное — понять причину такого её поведения. Что случилось, что произошло? Повод явно серьёзный, и он за пределами школы, иначе я бы поняла, в чём дело.

Напряжённая пауза

— У нас проблемы в семье, — и, судорожно сглотнув, родительница добавила: — Муж ушёл...

Нелегко далось Зинаиде Петровне это признание. Но высказав его, она будто крепостной вал преодолела, выстроенный из обиды, злости, подозрительности, сомнений, стыда. И вдруг ей стало легче. Как во время долгой дороги по железке, осушив на пару с соседом по купе полбутылки коньяка, ни с того ни с сего начинаешь изливать почти незнакомому вагонному попутчику сокровенные тяготы и потаённые боли, так и сейчас ей нужно было поделиться с кем-то своим несчастьем, тоску наизнанку вывернуть. И слово то какое правильное — поделиться, разделить с кем-то свою ношу, свою беду... Ведь одному такое не вынести... А расскажешь кому-нибудь — будто часть своих вериг на его плечи переложить, так и самой полегчает. Но кому в большом суматошном городе нужен человек со своими слезливыми печальми?! Дочь, которая по-своему, может быть, ещё острее, чем взрослые, переживает семейную драму и слушать мать не хочет, да и не в том она ещё возрасте, чтобы разбираться в проблемах предков; у подруг и своих дел и забот — на сто лет вперёд, да и времени ни у кого нет сидеть, чьи-то нюни платком утирать да в кулак собирать, и где они, подруги настоящие? В детстве и юности остались, а потом судьба да ветры жизни расхлестали всех по беду свету. Вот и получилось: знакомых да приятельниц — хоть пруд пруди, а вот друга — человека родного и близкого — днём с огнём не сыскать, вечером со свечкой... А тут учителька эта подвернулась — свободные уши, добрые глаза — отзывчивая, душевная, готовая выслушать, и уж если не помочь, то хотя бы понять, посочувствовать. И забота теперь их общая связывает — Анька.

— Вот так, просто взял и ушёл? — От неожиданного и откровенного признания Анастасия растерялась и не знала толком, как отреагировать, что сказать. Лишь память, противясь услышанному, тут же извлекла из архаичной пыли древнюю мудрость: “Жена — не лапоть, с ноги не скинешь...” Правду баяли, лаптей-то ведь патриархальный русский мужик каждый год аж по дюжине для себя плёл, а женою только одна на всю жизнь нарекалась...

— Да нет, другую нашёл — выдру поганую, сучку драную, — выругалась и тут же осеклась гостья: в школе всё-таки, в кабинете литературы... — Извините, сорвалось...

— Ладно, чего уж там...

И тут прорвало бедную: по-бабски, со слезами, воспоминаниями, соплями и всхлипами...

— Они давно познакомились, встречались часто... Она в другом городе живёт, недалеко от Москвы где-то, Иваново, что ли. Я не сразу поняла, в чём дело, потом чую: что-то не так, не заладилось в семье между нами как-то... Муж какой-то не такой сделался: нервный, раздражительный, смурной... и всё молчком да молчком. Мне всё понятно стало, когда я случайно у него их фотку нашла, общую... А ведь как раньше мы клёво жили: Аньку родили, бизнес какой-никакой начали, копейка в доме свободная появилась, квартиру купили, машину новую, за границу по два раза в год ездить стали... Вот там, в Испании, он эту курву, кажется, и подцепил, а может, она его на себя где-то затащила... Правильно говорят: “Сучка не захочет, кобель не вскочит...” — с каждым словом в её голосе всё больше и сильнее бурлила досада, злость и ревность, закипала боль. Оскал первобытной хищницы судорогой сводил скулы, раздвигал ноздри, сдвинул к переносице брови, ощерил зубы.

Анастасия слушала и не прерывала.

— Ну, ничего, я поеду, найду эту сволочь, зенки ей повыщарапываю... Эта свинья у меня ещё покудахчет, кошка сраная! — собеседница задыхалась в бессильной ненависти, угрозах и ярости, хотя, наверное, и понимала, что никуда не поедет, и даже если встретит разлучницу “курву-стерву” и влепит ей пару пощёчин, мужа это в дом не вернёт. Но воем утробным хрипела в ней ненависть, швыряла из одной крайности в другую.

— И как он мог нас бросить, — продолжала несчастная женщина. — Ведь Анька так его любит... Ну, я ему покажу, больше он дочку никогда не увидит...

— Мне кажется, этим вы больше Аню накажете, чем его... У взрослых в семье свои отношения, но можно ли делать ребёнка орудием своей мести?

— Пусть знает, как семью бросать... А то мне врёт, а этой стерве цветы несёт.

— А что за фотография? Мало ли сейчас снимков делают: на работе, корпоративы всякие, да и так просто...

— Да какое просто! Из роддома фотография! Она с цветами, а он с новорождённым на руках... И улыбаются, гады... Я-то дура, ведь тоже рожать хотела. А как узнала, что он с этой тварью на стороне прижил их общего, так аборт сделала... ему назло...

— Господи, — опешила учительница, — да разве можно так!? Ребёнок-то, ещё даже не родившийся, в чём виноват!?

— А что мне оставалось делать? Ведь это его ребёнок! — сорвалась на крик женщина.

— Но и ваш тоже... В Швеции половина детей рождаются в неполных семьях, и ничего, живут... Да и у нас в стране десять миллионов матерей-одиночек...

— Но я хочу нормально жить, не одиночкой... Понимаете — нормально! Чтобы семья была, дом, а не приют для двух гордых одиночек. Хватит, намучалась уже... Сыгуха выше крыши — от пяток до черепа, — она просто задыхалась от гнева и ненависти. — Отец мой тоже нас с матерью бросил, так что у меня полон рот этого хлёбова. Рок какой-то над нашей семьёй висит, — женщина замолчала, сцепив пальцы в жёсткий замок отчаяния. — Ладно, чего уж теперь... Что сделано, то сделано...

Анастасия слушала несчастную родительницу, смотрела на неё и жалела. Ведь совсем недавно был у этой семьи свой маленький островок счастья, где жили они все вместе — дружно и солнечно. Теперь вот этот остров осиротел, стал необитаемым, вместо людей прозябали на нём лишь тоскливые да озлобленные тени, а свет и радость вовсе его покинули.

— Анька мне тоже аборт простить не может, — побитой собакой, у которой забрали щенят, скулила гостя, — она так братика хотела... Теперь совсем от рук девка отбилась... то молчит, то хамит, пропадает где-то, вот даже школу пропускает... Какие уж тут оценки... Я просто не знаю, что делать. Тут ещё командировка эта грёбаная, чёрт бы её побрал, в Братиславу, на месяц, не меньше.

— Так откажитесь.

— Как я откажусь? Своих поставщиков сколько уламывала принять меня, чтобы новый ценовой контракт согласовать, ассортимент посмотреть-пощупать, объёмы импорта увеличить и подписать договор... Уломала на свою голову. Ума не приложу, на кого Аньку бросить — ни бабки, ни тётки — никого из родни нет.

— Значит, надо отказаться от поездки, ребёнок-то важнее.

— Ой-ёй-ёй, Анастасия Александровна... Не знаете вы, что такое наш российский бизнес — бесчувственный и беспощадный... Откажусь я и в трубу вылечу со всеми потрохами... Договоров я назаклучала под новый контракт хренову тучу. Задушат меня партнёры-потребители, штрафами и санкциями задавят или пришибут где-нибудь в подворотне — мокрого места не останется... Да и билет у меня в кармане, в понедельник рано утром вылетаю, — забыв о платке, она шмыгала носом. — Бог мой, чего это я грузку своими проблемами, у вас, наверное, своих по горло...

— Так что же с Аней делать? В школе я за ней присмотрю, конечно, а в другое время?

— Хоть объявление по столбам расклеивай: “Отдам ребёнка в хорошие руки... бесплатно”, — тяжело и судорожно вздохнула гостя.

Женщины беспомощно притихли, не в силах найти хоть какое-то решение.

— Можно, я попробую поговорить с Аней о ваших семейных делах? — осторожно спросила Анастасия, чтобы хоть как-то уйти от проблем отечественной пещерной коммерции.

— Да-да, конечно... Я буду вам так должна...

“Вот уж, действительно, рыночная хватка, — подумала учительница. Слово “должна” неприятно царапнуло её чуткое к языку ухо. — Никто никому ничего не должен. Просто живи по совести, и всё”.

— Вы разрешите, я иногда буду вам позванивать? — продолжала мама Ани.

— Да, конечно, только не во время уроков.

— И вы мне, хотя бы изредка... по “Вайберу”, бесплатно. Мой телефон...

— У меня есть номер вашего мобильного.

Опять помолчали.

— Извините меня, Анастасия Александровна. Весь вечер вам своими заморочками испортила... Давайте по домам, уже совсем поздно.

Она вытащила из сумки инкрустированную перламутром лаковую коробочку чёрного дерева с дорогой косметикой, открыла крышку и, глядясь в зеркальце, стала наводить марафет.

— Да, сейчас пойдём, — ответила учительница, собирая тетради и книжки в полиэтиленовый пакет с логотипом какого-то супермаркета. — У меня только один вопрос: откуда у Ани этот вульгарный рюкзак?

— Я купила, — смущённо-извиняющимся голосом ответила Зинаида Петровна, оторвавшись от своего несессера, — в бутике на Кузнецком. Кучу бабок отдала... Хотела дочку хоть чем-то порадовать, отвлечь от всего этого семейного гемороя... Продавщица-дура сказала, что это прикольно, хайп-мода... Молодежь тащится от таких шмоток... Сейчас клёво быть в хайпе...

— Была б пообразованнее, рассказала бы ещё, что в средние века инквизиторы голым задом нечистую силу отпугивали, — усмехнулась учительница. — Да галантерейщики всё что угодно вам наговорят, лишь бы вы купили эту пошлость. Профессия у них такая — втридорога всякую дрянь продавать.

В ответ взрослая женщина покраснела, словно школьница, и опустила глаза.

— Вы не представляете, с этой сумкой мальчишки Ане проходу не дают, — продолжала Анастасия. — Они и так за словом в карман не лезут, а тут такое... Ну, как мимо пройти?! Вот и сыплются намёки разные... сальности. Ещё снимут на видео да в “Ютубе” разместят со своими комментариями, — она помолчала, подбирая новые убедительные доводы в свою пользу. — А на улице, вечером, шпана какая-нибудь привяжется... Им ведь только повод дай — не оттащишь... Ну, зачем это девочке надо? Тем более сейчас...

— Блин! Сегодня же выброшу этот грёбаный рюкзак к чёртовой матери...

— А покрасилась как... Знаете, какая у неё теперь кличка?

Мать, едва сдерживая досаду, вопросительно и виновато посмотрела на учительницу.

— Анька Триколор.

— Чего-о-о..?

По тому, как мать нервно кусала губы и со стыда за собственную глупость готова была провалиться в преисподнюю, Анастасия поняла, что парикмахерская, а может быть, и подбор красок для новой стрижки дочери — тоже родительская идея.

— И последнее... Давайте забудем про эту записку, — учительница неторопливо разорвала листок по сгибам на несколько частей и бросила в урну для бумаг. — Какая сейчас разница, кто её написал. Завучу я об этом не говорила, так что пусть это останется между нами.

После дождливых выходных раннее утро понедельника выдалось ясным и солнечным. Сусальным золотом опавших листьев сентябрь вымостил мокрый асфальт и окантовал лужи причудливым узором. Вскоре по сочному лазурному полю прозрачного неба разбрелись облака — немереное скопище разновеликих белых барашков. К полудню они сбились в тучное стадо, а ближе к вечеру превратились в угрюмо-серый, приплюснутый, разглаженный

снизу и клочковатый сверху наволок. Забусил дождь. Обычное непостоянство московской осени.

После занятий (литература, как нельзя кстати, оказалась последним уроком) Анастасия Александровна подошла к Анне.

— Мама уже уехала?

— Да, а что?

— Да нет, ничего. Хотела с ней парой слов перекинуться.

Девочка насторожилась.

— Не получится, она только через месяц вернётся, — и выжидающе посмотрела на учительницу.

— Значит, теперь ты в доме хозяйка?

— Ну... вроде того... Как бы да, — заосторожничала Анька, пытаясь понять, к чему клонит училка.

— Ладно, раз ты такая занятая, то я сама...

— А что надо?

— Да так, мелочь...

— Ну... всё же?

— Помощь мне нужна...

— Так запросто. А что делать надо?

— Контрольную по русскому проанализировать, составить частотную таблицу ошибок, выявить закономерности... Работы я уже проверила, но с меня анализ требуют, срочно...

Такая рутина не вдохновляла Анну на трудовой стахановский подвиг, но что делать, ведь уже согласилась помочь. Одно лишь мучило.

— А почему я?

— Да потому, моя хорошая, что ошибок в этой работе ты столько нашла! Мне даже обидно за тебя стало. Не знаю, о чём ты грезила, в каких эмпиреях витала, когда думать нужно было. Так что для тебя это будет работа над ошибками — своими и чужими. Завтра на русском я попрошу тебя проанализировать у доски все эти просчёты класса. Так и “двойку” твою исправим, — продолжала тем временем учительница.

Вопреки ожиданиям, анализ контрольных работ провели довольно быстро и даже таблицу в компьютере составили. Разбирая ошибки, Анна сама удивлялась своей безалаберности. Такие глупости наворотит! Одна досада! Но кураж и замешанное на обиде чувство справедливости требовали объяснений.

— Анастасия Александровна, у Макса и Ваньки Пряника ошибок больше, чем у меня, но вы им “тройбан” залудили, а мне “пару” вlepили.

— Для них и это подвиг.

— Но это же необъективно и нечестно!

— Когда я училась, мне наш классный однажды поставил по литературе пять двоек подряд.

— Вам! Пять доек! Он что, садист или рёхнутый!?

— Нет, очень мудрый учитель. Знал, кого и как заставить работать по настоящему, с полной отдачей.

— Ну да, как дирижёр Флетчер в фильме “Одержимость”, — съязвила Анна. — Кого матом при всех обложить, кому по морде влепить, в кого стулом запустить...

— Есть и более гуманные методы. Главное знать, что, на кого и как подействует. Кому доброе слово к сердцу, кому в нос перцу. Только знаешь, мне всё-таки главного героя фильма жалко, паренька этого.

— Почему? — изумилась Анна. — Барабанщиком классным стал, гоблина этого, дирижёра, урыл...

— А девушку свою потерял, в жертву её принес своим амбициям, как овечку на заклание. Представь себя на её месте. Оно того стоило?

— Анастасия Александровна, а почему люди расходятся? — вдруг спросила Аня. “Ага, вот оно, прорезалось”, — отметила Анастасия, но не стала форсировать события: выяснять подробности, задавать прямые или косвенные вопросы, читать нотации. Продолжая сосредоточенно перебирать тетради, спросила только как бы между делом, стараясь придать голосу интонацию безразличия:

— Это ты чего вдруг спросила?

— Ну, живут люди, влюбляются, женятся, свадьбу пышную играют, потом детей рожают, а потом раз — и тумбочка между койками; два — развод и девичья фамилия...

— На свадьбе о разводе ещё не думают.

— То-то и оно...

— В этот день — всё радость, чудо, волшебство и священнодействие. Вот попробуй, произнеси слово “невеста”, скажи шёпотом, словно выдохни, почувствуй его. Не-вес-та... — та, которая ещё не ведает брака. — Анастасия ласкала слова языком и нёбом, как скатный жемчуг, и перламутр затейливых слов легко слетал с её губ.

— Ну да, “хорошее дело браком не назовут”, — будто бы даже со злостью съязвила в ответ Анна.

— Не самая удачная шутка. На свадьбе за такой каламбур и побить могут. И вообще, будь умницей, не повторяй расхожие глупости, даже если они эффектно звучат. В корень зри. В исконно русском понимании слово “брак” уникально для нашего языка. В нём таинство семейного союза мужчины и женщины. С крещением Руси оно приобрело значение освящённого церковью супружества. А восходит-то к старинному “братъ”, а ещё раньше — к слову “брача” — рука. Вот и получается великий сакральный смысл — братъ в жёны и на всю жизнь, навсегда вместе — рука об руку.

— Да, знаю-знаю: “зять любит взять...” — вновь съехидничала девчонка.

За время учёбы в её “Б” классе уже не первый раз занозистый Анькин язычок донимал Анастасию Александровну. Но приходилось терпеть и, не давая волю досаде и раздражительности, объяснять ученице свою правоту. Впрочем, слушать и на лету мысль схватывать да на ус наматывать школьница тоже умела. Потому и училась до недавнего времени хорошо. Однокурсники её ценили, кое-кто даже побаивался за умение подковырнуть острым словцом, безбашенность, смекалку и дерзость. И когда нужно было выручить класс — отвлечь внимание препода какой-нибудь словесной каверзой, уболтать его, чтобы украсть время на опрос невыученных уроков и спасти несколько бедолаг от потенциальных “двоек”, все взоры с надеждой обращались к ней. И Анька-Дым не подводила, с блеском выполняя возложенную на неё негласную миссию. Удивительно, что большинство преподавателей велось на её провокации (некоторые учителя-предметники между собой даже прозвали её “Мать-Ехидна”), поскольку не пустым и глупым зубоскальством, от которого легко было отмахнуться, тянула она время, а интересными, иногда на грани фола вопросами, нетривиальными умозаключениями и доводами, требовавшими разъяснений. И зачастую получался интересный разговор, который опытные школьные зубры, хорошо изучившие Анну Дымову и её подставы, умело подводили к объяснению запланированной темы урока, вовлекая в работу весь класс. Что же до невыполненного домашнего задания, то и так было ясно, у кого рыльце в пуху и мыслишки в требуху.

Нынешняя ситуация была иной. Уроки давно закончились, и разговор наедине в пустом классе был действительно интересен девочке, хотя она, скорее по привычке, чем по своей натуре, не могла удержаться от смутьянства.

— Зять и взять — это уже из фольклора, к обыденному сознанию ближе, — спокойно продолжала Анастасия Александровна. — Парадокс в том, что в абсолютном большинстве славянских языков слова “брак” в понимании некачественной продукции нет.

— Как же нет?

— Вот так и нет. Понятие, конечно, есть, а самого слова нет. В болгарском и сербскохорватском оно означает свадьбу. А “брак” в смысле “некачественная продукция” появился на Руси лишь при Петре Великом из немецкого языка. О поэте Алексее Кольцове слышала? Он был современником Пушкина, Белинского, они даже встречались...

— Помню. Классе в пятом, кажется, проходили.

— Он умер в тридцать три года от неразделённой любви.

— Да ла-адно... Разве такое бывает? — совершенно искренне изумилась девчонка и, кажется, не поверила, но была заинтригована. Учительница сразу

уловила неподдельный девичий интерес, — собственно говоря, на то и был расчёт, — и чтобы ещё больше подогреть детское любопытство, внезапно бросила тему, оставив её на пике внимания.

— Слушай, а ты есть хочешь?

Вместо ответа Анна недоумённо посмотрела на классную — уж больно резким был переход от высокой трагедии к банальной жрачке. И вместо ответа лишь утвердительно мотнула головой, желая поскорее продолжить важный разговор.

— Ужин у тебя дома готов?

— Не-а, я в “Макдональдсе” похаваю.

— От фастфуда полнеют. Значит, так, — сказала она назидательным тоном, не допускающим возражений. — Сейчас идём ко мне, я в воскресенье котлет нажарила с цветной капустой, очень вкусно получилось.

Ужинали в одиночестве — муж задержался на работе, что случилось с ним крайне редко. Молодой девичий организм требовал основательной калорийной дозправки, так что рот у Анны был занят котлетами, цветной капустой с пармезаном, затем чаем с пирогами, в общем — не до разговоров. Второпях она случайно уронила с вилки на стол кусок котлеты и тут же, схватив его свободной рукой, чтоб не оставить на скатерти жирное пятно (но оно всё равно осталось) отправила себе в рот. Тут только сообразила, что в приличном обществе так себя не ведут. Сконфузившись, она виновато посмотрела на учительницу.

— Ничего страшного, — улыбнулась хозяйка дома. — Вкуснее с ладошки, чем с ложки. Да и вообще: полезно, что в рот полезло. Ну, а пятно присыпь солью, легче отстирается.

Наевшись до отвала, гостя в знак благодарности сама вызвалась помыть посуду, и вдруг на последней чашке — бывает же такое — погас свет. И за окном потемнело — истерика ветра, дождя, молнии и грома, наверное, последняя в году гроза.

Помыкавшись в сумраке по комнатам, Анастасия кое-как нашла спички, зажгла свечу в старинном подсвечнике. В таких первобытных условиях было не до проверки тетрадей, и уж тем более не до уроков. Зато тепло и уютно — абсолютный комфорт для неторопливого душевного разговора. Они сидели за столом друг против друга, чуть сбоку горела свеча, роняя прозрачные восковые слёзы-бусины, которые, остывая, становились мутно-перламутровыми.

— Почти как у Пастернака, — промолвила девочка. Сложив перед собой на столе руки и упёршись в них подбородком, она смотрела на подрагающее пламя: “Свеча горела на столе, свеча горела...” — Она помолчала, задумчиво перевела взгляд на Анастасию Александровну. — А что за любовь у Кольцова была, от которой он кони бросил?

— Та самая, настоящая... от которой и умереть не грех. Ему всего семнадцать лет было, и влюбился он в молоденькую крепостную девушку.

— Так они чё, крепостниками были?!

— И весьма состоятельными. Отец его — пра́сол, ездил по окрестным воронежским деревням, скот на мясо скупал подешевле да потом продавал подороже...

— Ковбой-барыга, — хихикнула Анна.

— Девушку ту Дуняшей звали, она тоже молодому барину взаимностью отвечала.

С язвительным прищуром Анна игриво покачала головой.

— Да нет, совсем не то, о чём ты подумала. Она из крестьянок — горничная в доме, он — барчук. Но они пожениться хотели, вот только отношения их от своенравного отца-деспота не укрылись, и во время отъезда сына хозяин продал свою холостку заезжему богатёю.

Глаза школьницы широко открылись, она смотрела, слушала и уже не перебивала.

— Когда Алексей домой вернулся и узнал всё, слёг от горя — подкосила его горячка. Несколько дней не поднимался с постели, в бреду имя Дуняши

повторял. Лишь через месяц он смог на ноги встать и тут же, вопреки родительским запретам, бросился на поиски любимой.

Анастасия помолчала, давая девочке время глубже вникнуть в смысл личной трагедии поэта, и продолжила:

— Не нашёл, конечно. Через несколько лет узнал только, что умерла она будто бы от тоски и печали. И от боли этой чуть ли не всю жизнь поэт страдал... Отец ему со всего Воронежа невест приводил, но ни одна из них ему не глянулась. Так и жил бобылём. Зато какие стихи о любви сочинял! Глинка, Римский-Корсаков, Даргомыжский, Балакирев, Мусоргский для них музыку писали. Чернышевский опубликовал статью о его жизни и творчестве, а Салтыков-Щедрин говорил, что в поэзии Кольцова “жгучее чувство личности”. Одно из стихотворений даже Пушкин в своём “Современнике” напечатал. И это при том, что Кольцов даже не окончил двухклассное уездное училище, хотя до этого получил неплохое домашнее образование. Вот послушай:

*Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!*

Пламя свечи тихонько колебалось в ритме дыхания и стихов.

— Представляешь, Аня, когда он писал эти строчки, ему всего двадцать лет было...

— У вас есть его фотография?

Учительница поднялась, пошарила на книжной полке и достала сборник стихов Кольцова, где между страниц были вложены три ещё советских времён открытки с репродукцией художника Юрия Иванова — почти ростовой рисунок итальянским карандашом и сангиной; прижизненный портрет писателя (холст, масло) авторства Кирилла Горбунова и литография этого же портретиста.

— Красивый какой! — не смогла скрыть восхищения Анна, перебирая открытки в мерцающих бликах свечи. — А что потом было?

— Потом, лет через десять, влюбился на купеческую вдову Варвару Лебедеву. Кольцов давно её знал. Молодая, красивая, статная, умная, взбалмошная и легкомысленная — “женщина в страстях кипящая — дьявол сущий”, весь Воронеж за ней волочился. А она на поэта глаз положила, в душу ему запала.

— Из-за денег или из-за стихов?

— Кто знает... Только он благосклонность эту за великое счастье почитал, хотел видеть свою возлюбленную, говорить с нею, любоваться ею. В общем, от счастья такого и сердце, и голову потерял. Вот только опять отец поперёк дороги встал, копейки лишней сыну не давал. А как женщину, да ещё с такими запросами, под венец вести без гроша в кармане?! Не мог он ни себя, ни её обманывать. И надо же было такому случиться, подвернулся тут помещик богатый, предложил ей роскошный пансион, и поехала она к нему в поместье содержанкой...

— Хм, богатенького “папика” нашла, дура...

— Алексей Кольцов не осуждал её, сам проводил в дорогу, а потом вспоминал о ней, мучился и угасал. Депрессия и чахотка сделали своё дело: он умер.

— И детей у него не было?

— Нет. Но послушай, какое удивительное стихотворение он сочинил в девятнадцать лет.

Анастасия взяла книгу, открыла на одной из закладок и, пододвинув поближе свечу, стала читать стихотворение “Спящему младенцу”. Удивительно тихо стало в квартире, даже гроза за окном будто бы угомонилась, прислушиваясь к человеческому голосу.

— Грустные стихи, — задумчиво вздохнула Аня. — Сколько всего ожидает этого малыша, душу его безгрешную... Нужда, горе, беды страшные,

разлука, коварство... А он спит, такой маленький, невинный и беззащитный, и ничего этого ещё не знает...

Её невидящий взгляд — синие зори в омуте лучистых глаз — застыл на пламени свечи. Анастасии показалось, будто девочка на себя мерит всё услышанное. За окном вновь разбуянилась непогода.

— Позвони домой, скажи, что у меня ночевать остаёшься.

— Некому мне звонить... Мать в командировку умотала, а папа совсем от нас ушёл, бросил и уже забыл, наверное...

И вот уж чего никак не ожидала учительница: Анька Дым, для всей школы сорвиголова, вдруг судорожно хватив полной грудью воздуха, уронила голову на сложенные на столе руки и зарыдала... Горько, громко, по-детски, никого не стесняясь и ни на что не обращая внимания, вздох и безутешно... Анастасия подвинула к ней стул, села рядышком, обняла за плечи, прижала к груди её голову, погладила ершистый триколор:

— Поплачь, поплачь, девонька. Слезами горю не поможешь, а на душе легче станет...

Так и сидели. Постепенно Анины рыдания стали утихать, потом лишь всхлипывания тревожили пугливую тишину и пламя свечи. Наконец она успокоилась.

Неожиданно дали свет.

— Пойду я, — проговорила девочка, шмыгая носом, — домой пора... засиделась уже.

— Никуда я тебя не отпущу, — тем же строгим учительским тоном, не допускающим возражений, сказала Анастасия. — Куда ты потащишься в такую непогодь?! Да и поздно уже. Давай-ка, лезь в ванну; вот тебе полотенце и зубная щётка — новая. Шампунь, паста, мыло на полке, а я пока тебе постелю. Здесь, в гостиной спать будешь, на диване.

— Но у меня даже ночнушки нет. — Гостья растерянно моргала опухшими красными веками.

— В ванной мой халат висит, до постели в нём добежишь и одну ночь голиком поспишь — у нас тепло, не замёрзнешь. А завтра после уроков собери дома всё, что тебе надо, и сюда принеси.

Так Анна Дымова перебралась в семейное гнездо Пеликановых, и вечерние разговоры при свече, когда муж торчал у телевизора, пережевывая развесисто-липкую новостную жвачку, и не отвлекал “милых дам” от задушевного шушуканья на кухне, стали традиционными. Говорили обо всём на свете: моде, кино, театре, литературе и русском языке, о школе, учителях и 10 “Б”, но зачастую разговор как-то сам собой переходил на семейные дела Дымовых, и, хотя далеко не во всём сходились мнения, оберегал огонёк свечи от назиданий и правоучений с одной стороны, подросткового выпендрёжа и понтов — с другой. Вот в один из таких вечеров Аня сама ни с того ни с сего взяла, да и рассказала, как уговорила соседа по дому написать записку в школу от имени своей матери об “отдыхе в пансионате” и как сама тренировалась материнскую подпись подделывать. Но о своих художествах в интернете умолчала, побоялась, наверное...

Пару раз в Братиславу позвонили, успокоили Зинаиду Петровну, мол, всё нормально, не волнуйтесь.

Временное переселение не прошло для Ани зря и в учебно-бытовом плане. Через пару недель она исправила свои оценки по всем предметам, через три уже научилась не только глазунью вкрутую жарить, но и весьма сносно варить суп, готовить пасту, тушить капусту, делать котлеты. А вот замешивать тесто и стряпать пирожки у неё долго не получалось.

— Та же мучка, да не те же ручки, — смеялась Анастасия Александровна, вспоминая материнскую присказку своего детства, а муж не без иронии заметил однажды:

— Слушай, Анюта, переезжай к нам насовсем. Я теперь хоть жену стал по вечерам дома видеть...

Однажды на исходе субботнего утра девушка долго крутилась у большого зеркала, так и эдак рассматривая цветовую палитру своего причесона.

— Слушай, а перекачаться ты не хочешь? — поинтересовалась Анастасия.

- Кавайную няшку* из меня хотите сделать?
- Всё лучше, чем этот триколор на голове носить.
- Да? Я сейчас.

Через два часа Анна заявилась домой всё с той же короткой стрижкой, но уже пепельно-серого цвета.

— Ну, не фонтан, конечно, — резюмировала учительница, — но гораздо лучше, чем было. И вообще, Анька Дым мне нравится больше, чем Анька Триколор.

— Мне тоже.

На следующий день — это было последнее воскресенье перед возвращением матери — Анна сказала, что пойдёт домой: нужно прибраться, постирать, прикупить продуктов, чтоб не выглядела квартира заброшенной хламовкой. Распрощались до понедельника, до школы. Перед уходом Анна устроила “прощальный ланч на скорую руку” — сама накромила салат, заказала пиццу и устроила чаепитие для четы Пеликановых.

Прощаясь, она улучила момент, когда хозяин дома привычно уселся к телевизору, поманила учительницу на кухню и передала ей увесистый пакет.

— Это кое-какие... материалы папины, ну, типа... семейный архив, — сказала чуть смущаясь. — Перед отъездом мама всё выбросила, а я подобрала. Можно, чтобы это пока у вас полежало, а потом как-нибудь я заберу...

— Конечно. Я как раз свои старые бумаги перебирала, так что в шкафу место есть. Пусть полежат, подождут своего часа.

— Только вы их никому не показывайте...

— Никому, даже сама смотреть не буду.

— Нет, — улыбнулась девочка, — вам можно...

Прошла ещё неделя, всё вернулось на круги своя: Анька Дым жила вместе с матерью, Анастасия вновь допоздна засиживалась в школе.

Как-то на большой перемене Пеликанова зашла в учительскую. Здесь стоял непривычный гул и оживление: о чём-то спорили, что-то обсуждали.

— Отчаянная девчонка, смелая. Ведь наверняка знала, что тысячи людей её письмо в интернете прочтут и далеко не каждый по-доброму и с пониманием к нему отнесётся. А она не побоялась.

— Ну, а зачем сор из избы выносить? Мало ли у нас в стране разводов! Вон, мать мне рассказывала: когда Усть-Илимскую ГЭС строили, по комсомольским путёвкам со всей страны молодёжь на Ангару приехала. И свадьбы играли немерено. Чуть ли не первое место по стране на каждые десять тысяч населения. А как строительство закончили, разъезжаться стали, так и разводы начались — и опять первое место по стране...

— И всё равно, это настоящий поступок, достойный уважения.

— Может, это прикол какой-нибудь в “паутине” или фейк...

— Какой прикол, какой фейк! Весь “инет” уже больше недели, как взорвался по этому поводу и до сих пор гудит. Сколько постов, сколько комментариев всяких.

— А в чём дело? — поинтересовалась Анастасия Александровна.

— Вы ещё не в курсе? Какая-то девчонка выложила в сеть письмо своему отцу, который развёлся с её матерью. А мать ещё и аборт сделала...

— Знаете, что меня в этом письме поразило, — заметила заведующая школьной кафедрой русского языка и литературы, — в нём нет ни одной грамматической ошибки, так, стилистика кое-где, да и то — по мелочи. Вот бы нам таких учеников!

В интернете Анастасия довольно быстро нашла это письмо:

“Папочка, дорогой, здравствуй! Ты ушёл от нас и не представляешь, как нам сейчас без тебя плохо. Ты ушёл и оборвал всё, что хоть как-то могло нас связывать: заблокировал свою электронку, “Скайп”, тебя нет в социальных сетях. И я пишу тебе, как чеховский Ванька Жуков, с той лишь разницей, что он писал “на деревню дедушке”, а я — “в социальные сети папе”. И всё же я очень-очень надеюсь, что ты прочтёшь моё письмо.

* Кавайная няшка — молодёжный сленг, возникший из японских мультфильмов (аниме); означает милое, прелестное маленькое существо.

Я не знаю, в чём причина твоего ухода. Ведь в нашей жизни было так много хорошего, и как все мы дружно жили... Ты не поверишь, а я даже помню, как на мой первый полубюбилей — пять лет — мы с тобой отплясывали ламбаду, а мама смеялась и подыгрывала нам на детском саксофоне. А как ты меня в Египте на Красном море через голову подбрасывал, и я с визгом в воду плюхалась... И ещё я помню, точнее — знаю, как ты мамин большой живот гладил, когда она беременная мною была, и улыбался, когда я пиналась, а ты ладонями это чувствовал. Теперь, когда ты от нас ушёл, мама сразу же аборт сделала... Так бы братик у меня был...

Получается, он ещё не родился, а уже погиб. А ведь он, наверное, как и я, всё-всё уже чувствовал и о многом мечтал. Это неправда, что дети ничего не помнят, — всё помнят даже ещё до рождения и много знают. Наверно, поэтому в средние века младенцев изображали с лицами взрослых людей. Я, когда про аборт узнала, всю ночь в подушку уревелась и даже стала ненавидеть свою мать. А потом поняла: надо уметь прощать людям их вину и, как у Достоевского, уметь брать на себя ответственность и за свои, и за чужие грехи. Так что давай вместе простим маму за решение избавиться от нашего ещё не рождённого человечка. Ведь все эти годы мама была для нас теплом, уютом и счастьем. Просто она боялась, что не сможет одна поднять двоих детей.

Мне кажется, что сейчас грех этот болью своею и мамину душу гложет, но одним махом от него не избавишься. Я ведь давно знала, что её отец тоже их бросил, ушёл из семьи, но только сейчас по-настоящему осознала, как это тяжело и больно — жить без папы. Не зря же у нас отчество детям по отцу даётся. А у меня и крёстного отца нет. Неужели в нашем роду это становится традицией, и меня ожидает та же участь?

Я всё думаю: наверное, в том, что ты нас оставил, есть и моя вина. Я знаю, какой бываю мерзкой и вредной. Помню, как нагрубил тебе, когда ты не отпустил меня на ночную дискотеку, и как разругались мы из-за моих рваных джинсов, в которых я хотела пойти в школу, и как сердилась, когда ты заставлял меня делать уроки.

Прости меня, пожалуйста.

А ещё мама собрала и выбросила в мусорку все твои фотографии — там, где вы снимались вместе ещё до моего рождения. Но ты не волнуйся, я нашла их. Мне помог наш дворник Шавкат, спасибо ему за это. Кстати, Шавкат по-узбекски означает “добрый”. Теперь все фотки я припрятала в надёжном месте, и когда ты вернёшься, можно, мы будем рассматривать их при свечах, и ты обязательно расскажешь мне про свою жизнь и про маму, ведь я совсем не знаю, какими вы были до меня...

Папа, ты только не думай, что я хочу заставить тебя вернуться, хотя для нас это было бы великим счастьем и радостью. Но если тебе лучше и уютней с той женщиной, ради которой ты нас оставил, оставайся с ней и живите счастливо, но мы с мамой всегда-всегда будем тебя ждать. Я даже научилась готовить твою любимую тушёную капусту с грудинкой и варить куриный суп. Знаешь, какой он вкусный получается! Понятия не имею, как дальше сложится твоя и наша жизнь, но даже если мы останемся одни, ты за нас не беспокойся — мы выдержим. Оказывается, вокруг так много хороших людей.

А ещё я хочу, чтобы каждый день ты улыбался себе, всем людям и всему огромному миру. И тогда пребудут с тобой успех, здоровье, счастье и удача. Звучит обыденно, но именно это главное.

Твоя Д. А.”

Следом за письмом шли комменты и реплики пользователей интернета. Сколько Пеликанова ни крутила колёсико мышки, не было видно конца и края этим заметкам. Абсолютно бессистемно глаза выхватывали на экране ноутбука самые разные тексты.

“Слышь, придурок, такую дочь бросил! Её на руках носить надо, молиться на неё. Знал бы тебя лично — морду бы тебе расквасил. В общем, так: надумаешь в семью вернуться, отпиши — я сразу у тебя прощение попрошу за этот свой пост — громко, на всю галактику вплоть до чёрных дыр...”

“Вникай, братела. Мы тут с пацанами вискарь давим, за жизнь речь бакланам, но так и не допёрли, чё те не хватало: мазгов, бабла или тёлки. Но хрень ты спорол знатную. Кароче, не валяй амлет, до хаты палзи в семью свою хоть на пузе, хоть на карачках, хоть раком — вперёд сраком. И не вздумай, падла, дочу свою обижать. Всё понял, гавнюк?”

“Дорогая Д.А. Давным-давно и я пережила такую же трагедию: и нас бросил отец, которого я сильно любила. К другой ушёл. И нам было ещё хуже, поскольку ушёл он в тот самый день, когда мама вернулась из роддома со вторым ребёнком — моей сестрой. Не буду скрывать, тяжело нам было, очень тяжело... Мама так больше замуж и не вышла. Но ничего, втроём мы выжили, три бабы. Теперь у меня двое детей — мальчики, муж славный, и у сестры своя семья, дети, тоже двое, так что всё хорошо. Мама, слава богу, жива — с внуками и внучками возякается, будто новую жизнь проживает. А на прошлой неделе отец наш позвонил мне, впервые с тех пор, как нас оставил, прощенья просит и на внучат хочет поглядеть. Я не дала ответа, сказала — подумаю. И вот уже несколько дней мучаюсь, не знаю, что ему ответить... Может быть, ты что посоветуешь? А тебе я одно скажу: всё у тебя сладится. Я в этом уверена, хотя бед и несчастий впереди ещё, ох, как много будет. Но всякое горе надо перебороть-пересилить и не ожесточиться, не озлобиться на весь белый свет. Верь в себя, в свои силы, матери помогай. Ты добрая, сильная, умная, всё у тебя получится, всё будет хорошо”.

Не успела Анастасия Пеликанова глазом моргнуть, как и триместр закончился, и усечённые каникулы на одном дыхании пролетели.

Похолодало. Дырявые, насквозь проржавленные осенью кроны деревьев уже не шелестели, а скрипели и потрескивали. Голые, простоволосые кусты трепались ветвями по ветру, дрожали, в страхе ожидая скорой зимы, и цеплялись сучьями за уходящую осень, пытаясь хоть ненадолго задержать её. Опавшие жухлые листья, гонимые низовыми воздушными потоками, скребли асфальт, мышами перебегая дорогу в поисках пристанища на зиму, где можно было бы затаиться среди сухостоя газонов, затем уснуть под снегом и, дождавшись весны, увидеть солнце, промокнуть в ливне первой грозы и, наконец, истлеть среди молодой зелёной травы.

В первый учебный день в самое неподходящее время — меньше чем за четверть часа до начала уроков — заверещал мобильник: звонила Зинаида Петровна Дымова.

— Анастасия Александровна, доброе утро, — голос был какой-то чумовой, взбалмошный. — Извините, что звоню не вовремя, но Аня сегодня в школу не придёт... Она потом сама вам всё объяснит... — И телефон отключился.

“Господи, что там опять стряслось?” — только и успела подумать учительница. Звонок на урок прервал череду её догадок и предположений. А потом вихрем закружился школьный день, отсекая всё, что не связано с уроками.

И вот закончилась последняя сорокапятиминутка. Её 10 “Б”, захлебнувшийся впечатлениями от недолгих каникул, как ветром сдуло. Учительница подошла к окну, чтобы открыть фрамугу и проветрить класс. Внизу по асфальтовой дорожке школьного двора навстречу шумной ватаге одноклассников шла с гордым видом матери-героини Анечка Дымова, толкая перед собой детскую коляску.

— Анька, каникулы всего неделю были, — с воплем показушной иронии гаркнул конопатый Кирилл. — Как ты дитя успела родить?

— У тебя разрешение забыла спросить.

— Ой, хорошенький какой! — девчонки первыми окружили коляску и с любопытством разглядывали малыша в синем комбинезончике с маленькими полукруглыми ушками на кашпошоне.

— Настоящий пупсик! А как звать?

— Севка.

— Анька, дай коляску покатать. — Долговязый Максим протиснулся сквозь плотное кольцо одноклассников.

— Дам, если отцом стать не побоишься.

— Да хоть сейчас распишемся, а весь наш 10 “Б” в свидетели пойдёт. Я даже кормить Севку буду хоть с ложечки, хоть из соски, а если надо, то и собственной грудью...

Всеобщий ржач, и сквозь него очередной выверт Аньки Дым:

— Ну, тогда подари мне чмоку в щёку и целовальник в паяльник, — и она, притворно скорчив мину ожидания, демонстративно подставила однокласснику свою умильную рожицу, одним указательным пальцем ткнув себя в щёку, другим — в нос.

И вновь дружные раскаты смеха сотрясли школьный двор.

— Да тише вы, черти окаянные, напугаете малыша, — цыкнул на расшумевшуюся команду рыжий Матвей. Но унять всеобщий гвалт было невозможно.

— Анька, а у меня тоже братик маленький есть. Слабó завтра вдвоём вместе с ними на прогулку пойти, после уроков? Заодно и диалог по английскому выучим.

— Ой, девчонки, и я вам компашку составлю. У меня ведь тоже племяшка-грудничок, полгодика только что исполнилось.

— И я подкачу, хоть и нету у меня никого... Ну, пока нету. Мамка только на восьмом месяце...

— Да слушайте, слушайте сюда, — старался привлечь всеобщее внимание Макс. — Давайте всем классом пойдём этих карапузов выгуливать.

С третьего этажа, из открытого окна своего класса Анастасия Александровна Пеликанова, незаметная сейчас для детей, смотрела на своих “бэшников” — карнавал счастливых лиц, — слушала их весёлый трép и тихонечко улыбалась.

— Вы, наверно, сердитесь на меня, Анастасия Александровна?

Классная обернулась.

За спиной стояла Елизавета Михайловна — учительница из началки, только что неслышно вошедшая в кабинет. Она была какой-то очень уж дальней родственницей Анькиного отца, и именно по её просьбе год назад Дымову приняли ещё в 9 “Б”. Тогда этот класс собирался с миру по нитке.

— За что мне на вас сердиться? — не поняла классная.

— Ну, как за что? За Дымову. Кто ж знал, что она такой сорванец окажется. Столько вам хлопот из-за неё. Ну, сейчас, может быть, остепенится, ведь отец к ним в семью вернулся.

— Ну, судя по коляске с малышом, да, — согласилась классная. — Хотя, прямо скажем, совсем неожиданно...

— Любовница его, с которой они вот этого ребёночка прижили, сбежала, бросила вместе с сыном. За границу куда-то укатила, и вроде даже не одна. Видать, наконец-то нашла олигарха богатенького. Она и на нашего повелась, думала, что москвич, с деньгами. А он бизнес-то свой весь жене оставил. В Иваново с двумя бутербродами и одной большой любовью укатил. В общем — тёмный лес. Главное — отец в прежнюю семью вернулся. И жена его вроде оттаяла, простила. Так что вы уж не держите на меня зла за Аньку.

— Ну, что вы, что вы, я вам так благодарна за этого человечка...

А ещё через неделю Анька Дым забрала у Пеликановых свой пакет с отцовскими фотографиями.